

Вместо пролога

Кире представлялось, будто все люди похожи на те или иные предметы. Даже не внешне, а вообще...

В суть этого она не вникала, но давно уже завела воображаемый шкафчик, где на полках-клеточках, снабженные ярлыками с ФИО, помещались предметы, связанные со знакомыми ей людьми крепче, чем куклы вуду.

Лидочка, соседка по кабинету, была похожа на ярко-розовую пластмассовую пуговицу. Круглую, блестящую, легкую. Дешевую, но полезную и нужную: потеряй-ка такую с любимого ситцевого халатика, придется одежду выбрасывать — не походишь же с дырой на пузе.

А Кондратий, Кондрат Егорович, был точь-в-точь как засохшая кисточка.

Кира прищурилась.

Точнее даже — не кисточка, которая инструмент художника, а пошлый помазок для бритья!

Старый, затвердевший, весь в неаппетитном засохшем месиве. Фу, гадость!

Кира вздохнула и поместила помазок на самую дальнюю полочку своего воображаемого шкафчика. Иначе бесхозная гадость будет замусоривать ландшафт: путаться под ногами, болтаться из угла в угол и даже закатываться в девичьи фантазии, где ей вовсе не место.

— Все поняли, барышни? — настойчиво уточнил противный Кондратий, не подозревающий, что его только что засунули на дальнюю полочку.

Он не мог догадаться, о чем думает Кира, но ее недобрый прищур ему явно не понравился.

— Еще раз повторяю: явка обязательная, форма одежды парадная. А кто будет саботировать мероприятие, тот за это заплатит.

— В смысле? — Кира очнулась, закрыв воображаемый шкафчик.

— Стоимость праздничного банкета в пересчете на персону — три тысячи рублей, — охотно пояснил человек-помазок. — Придешь — молодец, ешь-пей-гуляй за счет компании. Не придешь — бухгалтерия вычтет три косаря из твоей зарплаты.

Кира оглянулась на Лидочку — мол, ты это слышала? И как тебе?!

Пуговичной Лидочке было нормально. Она, не дрогнув, так и таращила на Кондратия круглые голубые глаза, красивые и бессмысленные, как у куклы.

— Вижу, все поняли, — резюмировал Кондратий, вполне удовлетворенный ее реакцией, и наконец удалился, плотно прикрыв за собой дверь их кабинета.

— Фу-у-ух! — Лидочка выдохнула, в ее остекленевшие глаза вернулся живой огонь. — Какой же он противный, наш Кондрат Егорыч!

— Как старый засохший бритвенный помазок, — кивнула Кира.

— Похож! — Лидочка засмеялась, но внимательно посмотрела на нее и стерла с лица улыбку. — Эй, Кирка...

— Ты еще лопаткой меня назови! — огрызнулась Кира.

Себя она ни с какими предметами не ассоциировала.

— Ну, Кирюш... Ты же придешь? Не продинамишь родной коллектив? — не отцепилась Лидочка.

— А смысл?

Кира всегда не особо любила корпоративы, а с таким «родным коллективом», как сейчас, вообще ничего праздновать не хотела. Егорыч, ста-

рый помазок, конечно, это почувствовал, иначе не распинался бы тут битых полчаса.

Ему, наверное, шеф велел любой ценой обеспечить явку на мероприятие женской части коллектива. На Новый-то год, по рассказам, случился афронт: все дамы, как сговорившись, на корпоратив не явились, и вместо буйной гулянки, которой жаждала просторная душа шефа, у офисных мужиков получилась тихая скучная пьянка. Говорят, они весь вечер сидели, уткнувшись в свои гаджеты. Бедняга шеф от нечего делать тоже полез в свой смартфон, пошел кутить на криптобиржу да и спустил там жирненький кусочек биткойна, который сразу после праздников попер в рост, как японский бамбук. Ясное дело, повторения той печальной истории шефу не хотелось.

— Какой смысл? — повторила Лидочка, снова вытаращив стеклянные пуговичные глаза. Подумав немного, она растопырила пятерню и стала показательно загибать розовые пальчики с дешевыми колечками. — Во-первых, вкусно поешь и выпьешь за счет конторы. Во-вторых, купишь себе по такому поводу красивое новое платье. В-третьих, получишь кучу комплиментов. В-четвертых, будут конкурсы с призами, обещали — с хорошими.

— А в-пятых?

Четыре приведенных аргумента Киру не убедили.

— В-пятых...

Лидочка посмотрела на свой кулак — четыре пальца загнуты, один большой торчит — и перевернула его вниз, как кровожадный зритель на гладиаторских боях:

— А в-пятых, ты добьешь Филимонова!

Кира закатила глаза.

Вася Филимонов был офисным системщиком. Кира не сомневалась, что при полном параде сразит его наповал, но он вовсе не нужен был ей ни поваленным, ни даже слегка покосившимся, и уж тем более — коленопреклоненным. Ее вполне устраивал системщик в меру заинтересованный, робко флиртующий — услужливый. В компании, где восемьдесят процентов персонала — мужчины и каждый второй из них компьютерный гений, девушке с дипломом филолога живется и работается непросто. Хотя платят тут хорошо.

Кира до сих пор не могла понять, как ее занесло в такое странное место. Все ее однокурсницы — парней на филфаке не было от слова «совсем» — теперь работали либо в СМИ, либо в пиар-отделах банков, операторов сотовой связи, компаний-застройщиков, а особо невезучие

преподавали литературу и русский язык деткам в школе. Кира же как-то угодила в «Супертокен».

Толком объяснить, чем занимается их контора, она не смогла даже папе с мамой. Начала было рассказывать про децентрализованные финансы, блокчейн и криптовалюту, но мама стала креститься — свят-свят-свят! — а папа спал с лица и молвил угрюмо:

— Ты только не вкладывайся там ни во что. Знаем мы эти пирамиды...

В свое время папа сильно погорел на «МММ» и пирамид теперь боялся так, что даже на отдых в Египет с ними ехать отказался. Хотя разобитая мама прямо называла папину пирамидофобию «гнилой отмазкой» и даже требовала от Киры помочь ей разоблачить «подлого изменщика» — это папу-то!

Папа у Киры ассоциировался с кубом — простым, увесистым, надежным, крепким, как бетон. Представить эту массивную фигуру «втихую увивающейся за юбками» (формулировка мамы) было невозможно. Пади папуля к чьим-нибудь ногам — не обошлось бы без грохота.

Мамуля у Киры ассоциировалась с шерстяным одеялом, немного колючим, но очень теплым. Согревающим, укрывающим, обволакивающим. Иногда удушающим.

Когда тебе двадцать три, материнская забота бывает очень дискомфортной.

Женька, подружка со школьных времен, виделась Кире кактусом. Маленьким, миленьким, сложенным из пушистых на вид шариков мал мала меньше — вроде снеговика, только зеленого цвета. Кактус Женька был совсем не колкий и поразительно красиво цвел.

Соседка Вера Яковлевна была у Киры бамбуковой палкой. Узловатой, до блеска отполированной. Легонькой, но весьма ощутимой в контакте, особенно если с замахом и оттяжкой...

Митя, бывший сердечный друг, оказавшийся — в терминологии мамы — подлым изменщиком, сначала виделся Кире слегка подтаявшей плиткой горького шоколада, а потом — собачьей, пардон, кашкой. А однокурсница Варька, с которой Митя крутил за Кириной спиной, всегда представлялась ей мятым бумажным стаканчиком.

Кому Кира еще не подобрала никакого аватара, так это шефу, Максиму Петровичу Горетову. Просто не было случая: с ним она пока не встречалась, потому что работала в «Супертокене» только второй месяц, а шеф все это время пребывал где-то далеко.

Продвинутый бизнес не требовал постоянного присутствия руководителя в офисе, и он прекрасно управлял делами дистанционно, преимущественно на значительном расстоянии. В данный момент он, по слухам, находился где-то в Европе, куда по весне метнулся на выходные — пивка попить, но угодил под локдаун и застрял надолго.

Кира подозревала, что эта версия — такая же гнилая отмазка, как папина пирамидофобия: если бы шеф захотел, то смог бы позволить себе убраться из зачумленной Европы спецрейсом. У него для этого было достаточно денег — вернее, битков и эфиров. Только, похоже, особого желания не имелось возвращаться на милую родину вообще и в офис «Супертокена» в частности.

И то сказать, чего он тут не видел?

На следующий день после ультиматума, поставленного им с Лидочкой противным Кондрачем, Кира пришла на работу пораньше — часа за два до установленного начала трудового дня. На вечер у нее были планы, хотелось освободиться досрочно, но при этом не нарушать трудовую дисциплину, а тут же как? Раньше сядешь — раньше выйдешь.

Но попасть в офис в семь утра не получилось. Ночной сторож, который мог бы открыть дверь ранней пташке, то ли безответственно спал, то ли

вообще отсутствовал на месте. Возможно, тоже отпра­сился с работы пораньше?

Кира позвонила, постучала, подергала запер­тую дверь, попинала ее ногой и мрачно огляде­лась. Вокруг не было ни души. То есть люди по улице шли, но не те, от которых можно было ожидать, что они откроют Кире дверь «Суперто­кена».

Потом к крыльцу подкатила шикарная доро­гая машина, из нее вышел парень лет тридца­ти и направился напрямик к Кире. Та глянула и чуть не ослепла: парень был похож на искря­щийся бриллиант, для которого в воображаемом шкафу даже места не имелось — такому сокро­вищу только под стеклом на черном бархате ле­жать.

На типичного представителя коллектива «Су­пертокена» он ничуть не походил. Тот был хил, сутул и блистал не ровными белыми зубами, а ис­ключительно интеллектом. При этом типичный представитель слабо замечал реалии офисной жизни и коммуницировать с миром предпочитал на языке компьютерного кода.

Парень же, орлом взлетевший на высокое крыльцо, был плечист, мускулист, похвально об­щителен и дружелюбен: потеснившуюся Киру он одарил шикарной голливудской улыбкой.

Она смутилась. Улыбчивый незнакомец был хорош и пригож, только одет не к месту, да и не ко времени. На нем красовался в высшей степени неформальный трикотажный костюмчик — гибрид пижамы и летного комбинезона. От пижамы была расцветка — темно-зеленые пальмовые листья на розовом фоне, от формы пилота — нашивки на рукавах и массивная металлическая молния от горла до самых причинных мест, сейчас наполовину расстегнутая и открывающая для восторженного любования выпуклую загорелую грудь.

Кира отвела взгляд. Не то чтобы она была против посмотреть на красивое мужское тело, да еще и бесплатно. Нет, просто противный Кондратий — офис-менеджер по должности, завхоз и красный комиссар по сути — без устали гонял ее за слишком, по его мнению, короткие юбки и тонкие блузки. Хотя Кира с трудом, но все-таки держалась в узких рамках дресс-кода!

Тут ее смущение смысла волна раздражения: ей, значит, с декольте никуда, кроме как на праздничный корпоратив, нельзя, а кому-то можно являться в их офис полураздетым?!

Это было несправедливо и обидно. Кира нахмурилась, но красавчик дружелюбно спросил:

— В «Супертокен»? — и оглядел симпатичную девушку с живым интересом.

— На работу, — буркнула она, смущаясь.

— Серьезно? — Парень изобразил удивление, потянул на себя дверь, обнаружил, что та заперта, повторил все недавние действия Киры — позвонил, постучал, подергал, попинал, — и нарочитое удивление на его лице превратилось в недовольную гримасу.

Он похлопал себя по бедрам, вытянул из бокового кармана ключи от машины и, посмотрев на них с недоумением, будто ожидал вытащить что-то другое, перевел взгляд на Киру:

— Где будем ждать, в моей машине или...

— Вот там есть горячий кофе и свежая выпечка, — быстро сказала Кира, кивком указав на круглосуточный супермаркет неподалеку.

Садиться в шикарную машину с роскошным красавчиком она не рискнула.

— Кофе — это хорошо, — согласился парень и легко сбежал с крыльца, на ходу с насмешливой улыбкой оглянувшись на робеющую Киру: — Ты как, со мной или тут покукуешь?

— С тобой, — прошептала Кира одними губами, а ее ноги уже сами перебирали ступеньки крыльца.

Не верьте, что нельзя влюбиться с первого взгляда. Что там соседний супермаркет? Кира сразу почувствовала, что готова идти за этим парнем хоть на край земли.